УДК 159.99

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТНОГО ТЕЗАУРУСА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД¹

Е.Е. Сапогова^а

^а Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Представлена авторская модель содержания и структуры личностного тезауруса как части индивидуального ментального словаря личности, фиксирующего экзистенциальный опыт, касающийся ее характеристик и биографии. Аргументирована гипотеза об иерархическом строении личностного тезауруса, представленном мета- (субъективная онтология), макро- (макроконцепты «Я» и «Жизнь»), мини- (концепты-экзистенциалы) и микроуровнями (смысловые концепты-кванты), образованными с помощью механизма смыслового кодирования.

Ключевые слова: личностный тезаурус; экзистенциальный опыт; субъективная онтология; смысловое кодирование; личность; концепт-экзистенциал; концепт-квант.

Человек не может просто пассивно интериоризировать и воспроизводить объективные соотношения, он неизбежно их «переосознает» и переформирует, исходя из текущего восприятия себя и опыта осуществленного жизненного пути [1]. Любая его активность в этом отношении, осуществляемая в форме рефлексии, воспоминаний, самоорганизации, самоинтерпретации и т.п., нуждается в некоем понятийном тезаурусе как инструменте для описания, упорядочивания и последующей экстериоризации и презентации опыта, касающегося его Я и жизненного пути.

Заимствованный из лингвистики термин «тезаурус» [2–5] прошел в научной лексике долгую эволюцию и используется сегодня как широкое гуманитарное понятие, причем большинство имеющихся определений исходит из его понимания как усвоенного в социализации словаря, позволяющего выстраивать понятийную картину мира на основании семантических связей между смысловыражающими единицами. При расширении содержания понятия «тезаурус» стали выделять и его разновидности, касающиеся разных понятийных областей, функций, назначений и т.д.

Понимая тезаурус как в той или иной степени упорядоченный комплекс знаний о некоей предметной области реальности, представленный средствами естественного языка, и используя понятие *персонального тезауруса*, мы полагаем, что такой значимой областью выступает *конкретная лич-*

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00058.

ность – ее отрефлексированные самохарактеристики, экзистенциальный опыт [6] и жизненный путь. Предметная сфера персонального (личностного) тезауруса очерчена преимущественно границами внутренней реальности, жизненного мира конкретной личности. Он выступает как специфическая разновидность (часть) индивидуального ментального словаря, содержащего системно представленные ключевые единицы экзистенциального опыта, описывающие самому субъекту характеристики его личности и биографии и позволяющие интегрировать накопленные в них значения в актуальное динамичное представление о себе и свершении своей жизни.

Отметим, что *психологический* подход к анализу личностного смыслового тезауруса отличается от лингвистического или культурологического тем, что исследовательская мысль движется не столько *за его словарным составом*, сколько *за субъектом*, сделавшим значимыми, «своими» определенные зоны накапливаемого опыта и отобравшим именно эти, а не другие, единицы для его фиксации и интерпретации. Фокус анализа смещается к возможностям субъекта выстроить адекватный тезаурус как средство самопонимания, самовыражения и удержания накапливаемого опыта о себе в границах имеющейся у него самоконцепции. В каком-то смысле здесь можно говорить даже о *единичной субкультуре личности*, заданной этим индивидуальным тезаурусом.

Экзистенциально-психологический подход к анализу тезауруса [7, 8] предполагает, помимо этого, что и сам субъект, выстраивая тезаурус, следует не только и не столько за некими достоверными знаниями, сколько за субъективными убеждениями в смысловой истинности и персональной адресности некоторых пережитых эпизодов, за не всегда четко рефлекслируемыми (а иногда и интуитивными [9]) переживаниями (например, уверенностью, что «я прав», «это так и есть», «это послано мне в награду / наказание», «это касается только меня» и т.п.).

Ядро содержания персонального тезауруса образует экзистенциальный опыт личности: будучи неотъемлемой частью всего жизненного опыта личности, он представляет собой комплекс *персонально значимых концептов*, семантически соотнесенных с самой личностью (семантем). Эти базовые единицы будущего тезауруса синтезируют в себе образ, значение, смысл и символ и создаются как индивидуально важное обобщение значений определенных жизненных событий и обстоятельств, пережитых человеком и вошедших в структуру его ментальности. Такой индивидуальный сплав переживаний и рефлексий становится результатом постижения и построения реальности, непосредственно относящейся к Я и жизни человека, принятой и принятой им для создания собственного жизненного мира.

Экзистенциальный опыт уже общего жизненного опыта человека, но по сравнению с ним более пристрастно отобран, осмыслен, подконтролен, семантически более точно определен и используется в планировании и реализации жизненного пути, во многом детерминируя поведение, выборы и поступки человека. Если общий тезаурус представляет собой часть общекультурного тезауруса всего человечества, которую может освоить кон-

кретный субъект, строя свою картину мира, то персональный тезаурус можно назвать индивидуальной формой, фреймом организации знаний о себе, а также средством объективации, лингвизирования и концептуализации собственного Я и жизненного пути.

Подбирая единицы самопонимания, самовыговаривания и самоинтерпретации в индивидуально принятой смысловой парадигме (и формируя тем самым индивидуальную герменевтику), человек косвенно указывает на масштаб «особствования» реальности и открывает пути самоосвобождения сознания. Не зря в свое время В. Гумбольдт уподоблял освоение языка завоеванию новой позиции в прежнем видении мира. В этом ключе можно полагать, что вводя новые единицы самоописания, человек тем самым осваивает новые жизненные возможности и открывает новые измерения собственной личности.

Все современные определения подчеркивают *специальный* характер тезауруса. Изучая личностный тезаурус, отметим, что совокупность его смысловыражающих единиц «специализирована» на Я, на проживаемых личностью событиях жизни и всем том, что она воспринимает как свое, как имеющее отношение к себе. Будучи аутентично центрированным, персональный тезаурус маркирует установленные конкретным человеком и проверенные им самим эмпирические ментальные структуры, придающие смысл действиям, поступкам, переживаниям, и тем самым участвует в организации поведения и даже способен *предопределять его* [10. С. 6]. Используемый человеком тезаурус как *индивидуальный язык* для упорядочивания опыта оставляет свой специфический след на любом полученном знании.

Персональный тезаурус – не пассивная форма фиксации и хранения личного опыта, а *функциональная динамическая система*, самоорганизующаяся вследствие постоянно обновляющихся контактов между внешней и внутренней реальностями человека. По аналогии с процессами ассимиляции и аккомодации, описанными Ж. Пиаже, можно полагать, что на границе обеих реальностей любая новая единица экзистенциального опыта, не вписавшаяся в уже выстроенную внутреннюю конструкцию тезауруса, способна перестроить его, причем иногда кардинальным образом. Соглашающиеся же с этим опытом смыслы, извлекаемые из пережитых событий, лишний раз убеждают личность в истинности ее жизненного пути, усиливают уверенность в избранном образе жизни, миро- и самопонимании и жизненных стратегиях.

Любой концепт персонального тезауруса дан личности *вместе с ее отношением* к той области экзистенциального опыта, которую он фиксирует: чем более значимой является некая сфера реальности, тем шире и детальнее она представлена в тезаурусе. Тезаурус в прямом смысле слова «строится не от общего к частному, а *от своего к чужому*, где свое выступает заместителем общего. Реальное общее встраивается в свое, занимая в структуре тезауруса место частного. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере *освоено*

(буквально: сделано *своим*)» [10. С. 5]. «Устойчивый тезаурус обладает способностью активно поддерживать “свое” и тем самым выстраивает сам себя, навязывая свою инициативу субъекту-хозяину. Активность тезауруса способствует созданию особой независимой интеллектуально-культурной социальной системы, которая вмешивается в фильтрацию поступающей информации, блокируя, переиначивая или даже полностью исключая ту ее часть, которая разрушает целостность тезауруса» [11. С. 84].

Сцепление единиц в персональный тезаурус обусловлено конкретными задачами ориентации личности в непосредственно данном ей социокультурном пространстве-времени и позиционирования себя в нем, в первую очередь поиском ответов на основные смысловые вопросы («кто я?», «куда иду?», «как мне жить?», «зачем я делаю то, что делаю?», «каково мое предназначение в жизни?» и т.п.). Эти задачи могут меняться в зависимости от возрастных, профессиональных, этнических, половых и иных факторов в процессе социализации. В частности, их заметно трансформируют профессиональное обучение, общение со значимыми людьми (ценностно-смысловые «встречи») и другие социально-коммуникативные практики, в ходе которых происходят активный обмен персональными тезаурусами, их амплификация.

Новые тезаурусные конструкции, объективирующие в таких «общениях-встречах» познанные в процессе жизнедеятельности характеристики собственной личности и поведения, способны задавать новые горизонты ее развития и ее взаимодействия с реальностью, выстраивать ее как самобытный микрокосм. Отметим также, что тезаурус никогда не является абсолютным изобретением конкретной личности, поскольку процесс социализации предполагает заимствования его концептов и конструкций из личных тезаурусов других людей, словарей этноса, эпохи, хронотопа, социальной среды и т.д. Постепенно пополняя и изменяя его, личность получает возможность более глубокого и детального погружения в самоанализ, усиления потенциала рефлексивности в отношении своих мотивов, поступков, характеристик и возможностей.

В иерархии кластеров персонального тезауруса, образуемых личностью по мере взросления и накопления экзистенциального опыта, на разных отрезках жизни могут образовываться *сверхценные конструируемые* («ребенок», «болезнь», «карьера», «любовь», «долг» и др.), начинающие выполнять системообразующие функции, подчиняя себе на время другие сферы (к примеру, «прежде всего мы – родители, а все остальное – потом», «сейчас главное – выжить, восстановить здоровье», «сейчас готов все положить на алтарь служебного продвижения», «главное в жизни – любить и быть любимым» и пр.) и задавая определенный вектор (системный мотив, направленность) поведению. Это подчеркивает изменчивый, функционально-динамический характер личного тезауруса и одновременно указывает на наличие в жизненном мире конкретной личности значимых точек, тенденций, долгодействующих модусов, значимых экзистенциальных логик и т.п. [12].

Центральные концепты персонального тезауруса тесно связаны с *потребностями личности*, занимающими на данный момент в ее иерархии наиболее значимые позиции (витальные, духовные и даже воображаемые, об удовлетворении которых человек только мечтает, фантазирует). Самый широкий их круг образуют экзистенциальные потребности в установлении связей, в корнях, преодолении, преданности, самотождественности, в системе взглядов. Соответственно, образующие персональный тезаурус мини- и микротезаурусы сосредоточены вокруг наиболее значимых точек жизненного пути, в которых были удовлетворены или не удовлетворены эти потребности (и то и другое стимулирует рефлексию и порождает развитие).

Выдвигая гипотезу о структуре персонального тезауруса как средства смыслового кодирования экзистенциального опыта, мы исходим из следующих положений.

1. Персональный тезаурус представляет собой иерархию макро-, мини- и микротезаурусов, сфокусированных на ключевых эпизодах экзистенциального опыта личности, которым в индивидуальной рефлексии был придан статус событий. Эти события совокупно с их ценностью для конкретного человека и его отношением к ним (переосознанием, смысловой амплификацией, смыслоуничтожением) составляют их системообразующие (ядерные) концепты. Единицы всех тезаурусных иерархий объединяются исключительно на основании их текущего *значения для личности* и потенциального ресурса [13] для возможного использования в последующей организации жизненного пути, поведения и поступков. Отсюда их эволюционное или инволюционное движение внутри иерархии в зависимости от меняющегося опыта, отражающего личностные смыслы свершившихся событий.

«Любой уровень может быть рассмотрен как управляющий по отношению к нижестоящему уровню и управляемый со стороны вышестоящего уровня. Такая организация подразумевает как структурную и функциональную, так и информационную дифференциацию внутри системы. И если реальные структуры бытия представляют собой “гибкие” иерархии с более или менее автономными уровнями, то их научное описание, как правило, осуществляется путем конструирования “жесткой” иерархии» [14. С. 260]. Однако проследить эту иерархию можно фактически лишь до наполняющих их миниконцептов (концептов-квантов), которые сами уже в иерархию не складываются и образуют постоянно обновляющиеся и пересекающиеся комплексы.

Между собой концепты связываются как *полевая структура* – посредством текучих индивидуальных ассоциаций, аналогий, подчинения общей идее (мотиву, модусу, парадигме, жизненному принципу, актуальным для личности на данном этапе самопознания и самопонимания). Сам человек наполняет их самобытным содержанием, эмоциональными и когнитивными нюансами, часто непонятными другим. Структура образуемого концептами поля неоднородна и изменчива: «По мере удаления от ядра доминантные признаки ослабевают. Появляются признаки факультативные, которые, в свою очередь, могут оказаться интегральными при образовании других

полей. Периферийные элементы поля могут входить в несколько смежных полей» [14. С. 261].

2. Верхний уровень иерархии персонального тезауруса (метауровень) образует субъективная онтология, которая в строгом смысле слова еще не является словарем, но представляет собой принятый личностью способ отбора, упорядочивания и лингвизирования опыта, определения общего «рабочего отношения» к собственному бытию в мире, к системе «Человек и Мир». Его смысл состоит именно в том, что он задает организационный принцип и структуру всех используемых субъектом тезаурусов, в том числе и личностного.

Рано или поздно перед каждым мыслящим субъектом встают вопросы экзистенциального характера: что есть бытие / мир, что есть Я и где мое место в нем; в чем смысл и необходимость событий моего существования здесь-и-теперь; почему нечто для меня обладает смыслом и ценностью, а нечто другое – нет; зачем я делаю то, что делаю, и т.п. Иными словами, *само осуществление жизненного пути принуждает личность мыслить онтологически*, объясняя себе на основе накопленного опыта, как устроено мироздание, и выстраивая некую версию причин и следствий собственного существования, предназначения и самоосуществления в нем. Онтологическое мышление и субъективная онтология как его результат оказываются необходимым связующим звеном между человеком и миром, одним из значимых аспектов созидания *особой жизненной реальности* (жизненного мира), в пределах которой строится и развивается сфера субъективного, осознаваемая как «Я-бытие», «мое бытие», «бытие меня самого».

Ранее нами было показано, что единицами субъективной онтологии являются *онтологемы*, на которых базируются все другие представления и концепты («тело», «душа», «дух», «воля», «разум», «переживание», «субъект», «реальность» и др.) и которые выступают в качестве ментальных прецедентов, усвоенных в социализации аксиом об устройстве мира, понятий и принятых как истинные конкретным человеком. По сути, это глубинные общие представления, изложенные человеком самому себе максимально просто на понятном ему языке. Впоследствии отдельные значения тезаурусов будут выделяться, исходя из уже принятых онтологом.

Каждый уровень в тезаурусной иерархии выполняет собственную функцию. На уровне субъективной онтологии конструируется некий фрейм (фильтр), определяющий общее восприятие и категоризацию впечатлений, исходящих от реальности. Онтология делает человека пристрастным к отдельным аспектам воспринимаемого и познаваемого бытия, заставляя его ориентироваться именно на их, нередко полагая их полным, целостным и истинным бытием, согласующимся с его понятиями, ценностями и т.п. (люди нередко обозначают этот феномен как «мое / не мое»). С помощью принятой субъективной онтологии человек интерпретирует реальность, выстраивая на ее основе и в ее пределах другие объяснительные категории, строит свой смысловой тезаурус. Третья функция заключается в возможности на основании субъективной онтологии формулировать

познавательные вопросы и решать в форме ответов на них смысложизненные задачи, встающие перед человеком, «проблематизировать» собственную жизнь. Четвертой функцией можно считать структурирование и упорядочивание внутренней реальности в пределах определенной логики, заданной предельными онтологемами.

Онтологемы выступают как предельные теоретические идеи (идеологемы, гносеологемы), заданные индивидуальному мышлению изначально и лежащие в основе некоего устоявшегося в культуре и транслируемого комплекса социальных практик. В качестве опорных структур для самосмысления человек может принять предельные онтологемы судьбы, случайности или свободной воли: каждая из них порождает разные фокусы интерпретации опыта, определяет индивидуально насыщенную семантику событий, возможных в человеческой жизни, а следовательно, требует и особой организации смыслового тезауруса, делая центральными и ценностно насыщенными определенные концепты [15]. Так, если доминирует онтологема свободной воли, тезаурус предполагает больший объем концептов, связанных с объяснением поступков человека; если человек верит в предопределенность всего судьбой, в фокусе оказываются концепты, связанные с фактами ее свершения в жизни; если для человека всем властвует случай, то тезаурус сильнее ориентирован на совокупность непредсказуемых происшествий. Поскольку принятые предельные онтологемы стимулируют также преобладание в самоинтерпретации одного из психических процессов (соответственно веры, мышления, интуиции), то и тезаурус подстраивается под эти модальности. Тем самым задаются разные варианты индивидуальных фреймов для самоинтерпретации: судьба–свершение–вера; случайность–происшествие–интуиция; свободная воля–поступок–мышление.

3. Нижележащий второй (макро-) уровень личностного тезауруса образуют два смежных макротезауруса с сущностными макроконцептами «Я» и «Жизнь», от которых берут начало многочисленные мини- и макротезаурусы с их миниконцептами-экзистенциалами и микроконцептами-квантами (квантами смысла), образующими сложно переплетенную *тезаурусную сеть*, «схватывающую» базовые (интегральные), понятийные, символические, функциональные, оценочные и образные признаки значимой реальности, самостоятельно выбранные личностью при кодировании обретаемого опыта.

Оба макроконцепта являются *системообразующими* в построении содержания личностного тезауруса.

Понятие собственной жизни, фиксирующее фундаментальные основания человеческого существования в мире, наличия и разворачивания его уникального единичного бытия, занимает центральное место в сознании, поскольку совершенно невозможно мыслить о себе, да и вообще о чем бы то ни было, в плоскости небытия. Человеческая жизнь имеет основания и предпосылки в самой себе, в своем свершении, и индивидуальное сознание уже застает себя в этом свершающемся бытии.

Сам факт своего существования в реальности человек обычно принимает априори, без сомнений и рассуждений, делая его точкой отсчета для всех

остальных происшествий и переживаний жизни. «Жизненность» («Я есть») – ключевой, базисный, даже предельный признак, изначально присущий человеку как в его физической и физиологической, так и в любых других (ментальной, социальной, деятельностной и пр.) формах существования. Кроме того, когда человек мыслит о жизни, он имплицитно движется в трех плоскостях (форма и время существования, деятельность / проявленность в реальности), которые со временем им конкретизируются и символизируются («жизнь-путь», «жизнь-дорога», «жизнь-мир» и т.д.). Можно предположить, что это ядро личного тезауруса не только самое древнее, но и самое постоянное [16].

Примерно то же можно утверждать и в отношении макроконцепта «Я», неотделимого от макроконцепта «Жизнь»: заставляя себя при первом же осознании уже наличествующим, живущим, естественно затем определиться с тем, «кто Я есть», «какой Я» и – позже – «какое из моих Я является истинным». Макроконцепт «Я» содержит представления личности о самой себе (Я феноменологическое, биологическое, материальное, интерактивное, функциональное, языковое, идеологическое, духовное, интеллектуальное, деятельностное и т.д. [17. С. 4]), оценки ею самой себя и качественно отличается от любых других концептов, поскольку наполнен более множественным и дифференцированным содержанием.

Собственное Я выступает для человека как самоочевидная внутренняя реальность (внутренний мир, жизненный мир, Я-концепция), кажущаяся более доступной познанию, чем другие, по крайней мере по сравнению с внешней действительностью, которой оно изначально противопоставляется. Кроме того, макроконцепт «Я» сам по себе по меньшей мере двойствен, поскольку легко расслаивается на дух (душу) и плоть (тело), выступая для самопознания то как ментальная, то как материальная сущность, а также на гносеологическую и онтологическую составляющие, единство которых и создает своеобразие человеческого Я как психической инстанции [18].

Современная терминология Я включает множество предикатов («диалогическое Я» Г. Херманса, «расколотое Я» Р. Лэнга, «пресыщенное Я» К. Гергена, «мнимое Я» В.А. Петровского, «феноменальное Я» В.В. Столина, «возможное Я» Х. Маркус и П. Нуриус [19–22], даже «шаткое Я» у К. Geukes и др. [23]). Так, Х. Маркус говорит о Я как об уровне структурированной схеме, где высший уровень образован когнитивными генерализациями разноплановых представлений о себе, абстрагированными из единичного контекстно обусловленного прошлого опыта, составляющего ее низший уровень. К. Роджерс считает Я совокупностью прототипических самоописаний, а Дж. Бауэр и С. Джиллиган описывают его как узел в ассоциативной цепи, в котором информация сохраняется в форме пропозиций, соединяющих Я с определенными предикатами, содержащими эпизодическую или уже обобщенную информацию и связанными с другими микротезаурусами [18. С. 47].

За счет этого разнообразия макроконцепт «Я» становится ядерным для большого числа *мини- и микротезаурусов*, связанных с репрезентацией

личностных и характерологических черт, гендерных, возрастных, этнических и телесных особенностей, навыков и способностей, социальных и профессиональных ролей, габитуса, образа жизни, активности личности, ее рефлексии отношения к ней со стороны других, размышлений, воспоминаний, мыслей, сновидений и пр., и выступает как особая структура самосознания, обладающая *собственной иерархичностью*. Объективируя и операционализируя себя в высказываниях (например, при презентации автобиографических нарративов, поскольку Я и жизнь практически невозможно объективировать иначе, чем в форме персонального нарратива [24]), человек либо укрепляет сложившееся к данному моменту ядро макроконцепта «Я», либо меняет его в результате обнаружившихся рассогласований с новой реальностью его самовоплощения. Так образуется динамичное «парадоксальное тождество, на котором основывается субъектность: “Я” = “Я + не-Я”» [25. С. 123].

С концептом «Я» также связывается идея контроля над некоторой областью реальности, которая личностью «особствована» – сделана и / или признана ею своей («Мое»).

4. Семантическое поле макроконцептов «Я» и «Жизнь» имеет как минимум два базовых измерения, заданных онтологическим макроуровнем: время и пространство.

Так, измерение *времени* расслаивает макроконцепты «Я» и «Жизнь» на макротезаурусы «Я в прошлом» («Моя прошлая жизнь»), «Я в настоящем» («Моя текущая жизнь»), «Я в будущем» («Моя будущая жизнь»), поэтому на следующих уровнях в моменты их операционализации и вербализации они распадаются на подвижную тезаурусную сеть миниконцептов и еще более дифференцированных микроконцептов, отражающих индивидуальные нюансы смыслов, приданных субъектом определенному эпизоду пережитой реальности. К примеру, можно предполагать, что минитезаурус «Моя будущая жизнь» легко распадается на миниконцепты «Моя планируемая жизнь», «Моя возможная жизнь», «Моя воображаемая жизнь», «Моя фантастическая / невозможная жизнь», «Моя вероятностная жизнь», «Моя ближайшая жизнь», «Моя отдаленная жизнь», «Моя другая жизнь» и пр., образуя при необходимости параллельные «зеркала» в семантическом поле концепта «Я» («Я-иное», «Я-возможное», «Я-планируемое» и т.п.). И далее: миниконцепт «Моя отдаленная жизнь» может быть представлен субъективно значимыми микроконцептами-квантами «Моя отдаленная жизнь без матери», «Моя отдаленная жизнь с инвалидностью», «Моя отдаленная жизнь в одиночестве», «Моя отдаленная жизнь в эмиграции», «Моя отдаленная жизнь с взрослеющим ребенком», «Моя отдаленная жизнь после получения образования» и пр. На уровнях концептов-квантов материал экзистенциального опыта уже почти не поддается какой бы то ни было систематизации в силу их текучего, изменчивого характера.

Образы Я, построенные в разных временных измерениях, не бывают стабильными [26], они изменяются под воздействием нового экзистенциального опыта, более того, прошлые картины Я влияют на построение новых.

Измерение *пространства* образует как минимум отдельные макротезаурусы «Я в реальном пространстве» («Моя жизнь в реальности»), «Я в ментальном пространстве» («Моя внутренняя жизнь», «Мой жизненный мир») и «Я в виртуальном пространстве» («Моя воображаемая жизнь», «Моя придуманная жизнь», «Моя возможная / альтернативная жизнь» и пр.) с соответствующими микроконцептами. Здесь надо добавить, что в современном пространстве, пронизанном интернет-коммуникациями, статус виртуального Я и событий виртуальной жизни нередко может мыслиться как не менее реальный, чем тот, что имеется в действительности.

Оба измерения при необходимости мыслить о себе в разных пространственно-временных контекстах пересекаются, образуя подсистемы «Я в реальном пространстве в прошлом», «Я в ментальном пространстве в будущем» и т.п.

Также для обоих макроконцептов принципиально возможны психологические векторы со значимыми для личности маркерами: «Я-реальное / наличное» («Моя реальная жизнь как некая стратегия выбранного мной существования»), «Я-идеальное» («Моя жизнь, какой она мне видится в идеале»), «Я-фантастическое» («Моя жизнь, как я могу себе ее представить, но какой она никогда не будет по объективным обстоятельствам, на которые я не могу повлиять»), «Я возможное» («Моя жизнь в имеющихся обстоятельствах, какой я могу ее реализовать, если захочу»), «Я актуальное / текущее» («Моя текущая жизнь, зависящая от здесь-и-теперь ограничивающих ее обстоятельств и имеющихся потенциалов»), «Я потенциальное» («Моя потенциально возможная жизнь, если я захочу кардинально изменить имеющиеся условия существования»).

5. На третьем иерархическом (мини-) уровне личностного тезауруса в предлагаемой модели индивидуальное содержание макротезаурусов «Я» и «Жизнь» очерчено актуальной совокупностью *концептов-экзистенциалов* [27], на которые ориентируется личность, выстраивая текущую логику своего существования (при необходимости – в их пространственно-временной представленности: «В молодости я был идеалистом», «Раньше я верил в любовь», «Я все еще надеюсь, что встречу того, кому я буду нужен» и пр.).

Концепты-экзистенциалы миниуровня представляют собой принятые личностью, рефлексировавшей свое бытие, априорные фреймы, задающие общие формы самоосмысления, и в этом плане оно может рассматриваться в контексте хайдеггеровского *Dasein*. Потенциально это могут быть любые индивидуально амплифицируемые ею экзистенциалы: «выбор» и «предопределенность», «ответственность», «вера» и «безверие», «свобода», «необходимость», «зависимость», «счастье», «любовь», «долг» [28]; «бытие в мире», «бытие с другими», «бытие в возможности», «совесть», «забота», «заброшенность», «понимание», «открытость», «настроенность», «временность», «понимание», «падение», «решимость», «истина» (М. Хайдеггер); «смысл», «страдание», «творчество», «труд» (В. Франкл); «не-алиби-в-бытии», «поступок» (М.М. Бахтин) и т.д.

Для кого-то на определенном этапе развития большое значение приобретает, к примеру, экзистенциал «долг», на другом этапе жизни – «любовь», на третьем – «забота» или «вера» и т.д. Становясь сверхзначимым для отдельного субъекта на конкретном отрезке жизни, такой концепт-экзистенциал (или их совокупность) начинает выполнять смысло- и системообразующую функцию, определяя направление, цели и стратегии жизни, ход размышлений, модус и логику поведения человека [12] (к примеру: «время любить / время ненавидеть», «время собирать камни / время разбрасывать камни», «время затянуть пояса», «трудное время» и т.п.), а также определяя комплекс раскрывающих их содержание концептов-квантов. На них чаще, чем на других, фокусируется его сознание, и в силу этой пристрастности именно соотносённый с ними опыт субъект склонен отождествлять с подлинным самим собой: через эти категории ему раскрывается суть того, что есть жизнь и что есть он сам.

На следующем уровне миниконцепты-экзистенциалы в зависимости от конкретных обстоятельств жизни субъекта и характера его опыта конкретизируются в смысловых концептах-квантах (к примеру, не просто «любовь», а «моя неразделенная любовь к А.», «моя любовь к матери», «моя любовь к Родине» и т.д.), семантически амплифицируются («как на свете без любви прожить?», «нет ничего сильнее материнской любви» и пр.) и даже символизируются – иногда вплоть до уровня *мифологемы персональной субкультуры* («Я создана для любви», «Я-любящий»). Такая личностная мифологема как сверхъёмкий накопитель опыта о себе тоже становится элементом персонального тезауруса и иногда может «подниматься» до макроуровня («жизнь-страдание», «жизнь-борьба», «жизнь-авантюра» и т.п.), представляя собой образно-понятийное образование сознания, имплицитно соединяющее в себе смыслы целого ряда личностно значимых эпизодов, слившихся для субъекта в интегральный «символ Я». Она рождается из персонально осознанной сверхзначимости отдельных эпизодов жизни, «воплощения» ими не просто отдельных существенных жизненных происшествий или личностных характеристик, но и всей жизни, всей личности в целом. В мифологеме символически аккумулировано все то, что личность хочет думать и / или сообщать о себе и своей жизни, и в любой момент с помощью концептов-квантов она способна развернуться в бесконечный ряд идентификаций, самосимволизаций, автонарративов, индивидуальных апокрифов и т.п.

6. Нижний, погруженный в непосредственные контексты индивидуального существования, микроуровень персонального тезауруса образован *микромиконцептами* (концептами-квантами, концептами-смыслами, квантами опыта). Концепты-кванты и есть мельчайшие онтологические единицы жизненного мира личности, фиксирующие ее самобытный экзистенциальный опыт [29]. Они уже не поддаются какой бы то ни было классификации и имеют идеографический характер, сплавляя в своем содержании образ и смысл, а потому зачастую приобретают сугубо «внутреннюю» природу, т.е. оказываются понятными только самому человеку, построившему их.

В соответствии с принципом диалогической организации сознания можно предположить, что смысловые концепты-кванты, «схватывая» в жизненной повседневности личности значимые для конкретного субъекта моменты (события экзистенциального опыта), фиксируются им на двуполусных семантических осях (своеобразных векторах, более близких или более отдаленных от экзистенциалов, характеризующих Я и Жизнь). Оси позволяют конкретизировать, уточнять, встраивать в имеющуюся ментальную картину их содержание, исходя из значимости для последующего осуществления жизненного пути и саморазвития, актуальных потребностей и отношений личности. Семантические оси, количество которых в зависимости от возраста, образования, социального статуса человека и прочего может быть любым, дают возможность конкретизации и детализации в тезаурусной единице наиболее значимых (или кажущихся таковыми в определенный момент времени) характеристик отобранных фрагментов опыта.

Выполненный нами теоретический анализ консультативных дискурсов позволяет обобщенно предполагать наличие следующих осей [12].

Ось «Стремление–избегание» позволяет четче осознавать, интерпретировать и объективировать собственные потребности и мотивы – желания что-то делать, чем-то интересоваться, считать нечто более важным, чем все остальное, помещать это в фокус сознания и деятельности или же, наоборот, не воспринимать некоторые сферы и модальности жизни как значимые, пренебрегать ими, избегать деятельного участия в них. Ключевой экзистенциальный вопрос, который определяет эту ось, – вопрос персональной «затронутости» личности реальностью: «Почему что-то в жизни меня задевает за живое, а что-то оставляет безучастным и равнодушным?» («Почему я к чему-то страстно стремлюсь, а чего-то избегаю?»).

Осью «Созидание–принятие» человек помещает фрагмент опыта либо в контекст креативной, творческой, создающей жизненной интенции или же в контекст реципиентной, берущей, принимающей формы жизни. Можно предположить, что здесь личностью интерпретируется собственная экзистенциальная позиция и дается внутренний ответ на вопрос: «Насколько я хочу участвовать в осуществлении собственной жизни?» («Я активен в отношении своего существования или принимаю все как данность, плыву по течению?», «Это я живу жизнь или жизнь меня живет?»).

Семантическая ось «Стабилизация–энтропия» может указывать на отношение субъекта к уже достигнутому в жизни уровню самовоплощенности. Предположительно, здесь могут интерпретироваться характер собственной активности, индивидуальное отношение к необходимости меняться и развиваться. Личность может стремиться либо к стабилизации достигнутого уровня развития и добровольному ограничению собственной возможности выбора, либо к усилению элементов неопределенности, лиминальности, энтропии, самообновления. Внутренний вопрос, ответ на который, вероятно, ищет при этом личность, может быть таким: «Могу и должен ли я сам “делать” свою жизнь, порождать изменения, новизну в ней?»

Ось «Центробежность–центростремительность» позволяет интерпретировать характер направленности собственной жизни – либо вовнутрь, в себя, к созиданию собственной подлинности, либо вовне, к миру, к построению разных форм «участности» в нем. Решаемый экзистенциальный вопрос: «Моя жизнь должна быть распахнута вовне или замкнута на себе?».

Ось «Интегральность–ассертивность» может рассматриваться как вариация философской диады целого и частей. В одном случае человек интерпретирует свой жизненный путь с позиций тяготения к целостности, однонаправленности, «монолитности». С другой стороны, ось характеризует устремленность человека к полимодальности жизнеосуществления, ассертивности. И тогда части жизни здесь не подчинены единому смысловому вектору, а образуют самостоятельные целые – они важны сами по себе, а не только в контексте реализации некоего гипотетического предначертания. Можно предположить, что здесь интерпретируются потенциальные возможности собственной жизни и ставится вопрос: «Жизнь разворачивается как единое целое вне зависимости от моего участия в ней или она состоит из дискретных сюжетов, предусматривающих возможность моего личного выбора и участия?».

Семантическая ось «Рациональность–иррациональность» позволяет интерпретировать собственное жизнеосуществление с позиций либо подчинения его неким лежащим вне субъекта и принятым им правилам, либо подчинения случайным, стохастическим, авантюрным, рискованным факторам. Интерпретации здесь могут подвергаться личностные итоги социализации (меры собственной зависимости–автономности от других в сопоставлении с рефлекслируемой подлинностью). Вопрос, который может при этом формулироваться: «Должен ли я жить по каким-то иным правилам, кроме тех, что вывел для себя сам и подтвердил своей жизнью?».

Фиксация концептов-квантов на подобных осях связывает их с концептами-экзистенциалами, обеспечивает тонкую настройку субъекта на внутреннюю и внешнюю реальность и помогает ему в оценке значимости удержанного ими смысла, а также дает возможность упорядочивать и обьективировать индивидуальный опыт для его возможной передачи. «Оседая» на полюсах значимых для человека осей, опыт концептуализируется и лингвизируется, чтобы стать не просто понятым самим субъектом, но и понятным для других.

Разумеется, перечисленными осями не охватывается вся полнота экзистенциальных вопросов, которые личность, рефлекслируя, может себе сформулировать в зависимости от собственных самобытных (порой уникальных) жизненных обстоятельств. В индивидуальной самоинтерпретации могут быть образованы и другие оси, например, «Единичность–универсальность» («Является ли моя жизнь уникальным, самостным феноменом или же она вариант некоей всеобщей модели существования?»), «Прагматизм–идеализм» («Я / Моя жизнь имеет ценность сама по себе или она служит утилитарной функции продолжения человеческого рода?») и др.

Набор осей, на которых личность размещает сохраняемые эпизоды опыта, может быть разным, но все они возникают вследствие необходимости зафиксировать собственное Я и ускользающий в прошлое жизненный путь во времени с определенным знаком («надо быть таким / жить так» или «не надо быть таким / так жить не надо»), укоренить накопленный экзистенциальный опыт в реальности с расчетом, что он может оказаться полезным для других. Только в случае, если индивидуальный экзистенциальный опыт будет транслирован вовне и окажется значимым для большого числа людей, он может стать элементом большой культуры.

7. Конкретные концепты-экзистенциалы минитезаурусов и размещающиеся на осях концепты-кванты микротезаурусов в зависимости от актуальных потребностей и конкретных обстоятельств существования личности могут образовывать подвижные смысловые блоки (кластеры) и временные, текущие смысловые конструкторы (смысловые синтагмы) для схватывания и удержания необходимых эпизодов опыта во внутреннем плане сознания в целях оценки его значимости, интерпретации и последующего принятия или отвержения.

Кластер объединяет в себе сразу несколько концептов-экзистенциалов (например, «любовь» + «забота» + «счастье») с их собственными концептами-квантами, а синтагмы (сцепки нескольких концептов-квантов) притягивают к себе смысловые кванты, до этого момента кажущиеся не относящимися к этим экзистенциалам (например, «труд на благо семьи», «жертвенное поведение ради любимого человека», «отец-кормилец» и пр.). Это хорошо известный факт повседневной практики: когда человек влюблен, все воспринимается им в «розовом цвете», т.е. более позитивно и конструктивно, и даже для негативных событий используются компенсаторные метки, а когда он «загнан и забит людьми, заботой иль тоскою» (А. Блок), даже счастливые мгновения жизни и самопознания окрашены в черный и несут на себе метку неудовлетворенности, скепсиса и черного юмора.

Созданные как проекции актуально действующих потребностей личности кластеры тезауруса могут быть неоднократно «рассыпаны» на составляющие их экзистенциалы и кванты и войти в новые блоки («Желания», «Характер», «Интеллект», «Переживания», «Проблемы», «Отношения», «Принципы», «Поступки», «Цели» и т.д.). На разных этапах существования человек может создавать альтруистические, гедонистические, самореализационные, коммуникационные [30] и иные блоки, которые можно именовать жизненными смыслами и смысложизненными ориентирами, жизненными стратегиями или «образами Я». Любой из кластеров может одновременно входить в микротезаурусы «Я / Жизнь в прошлом», «Я / Жизнь в настоящем» и «Я / Жизнь в будущем» и т.д.

Константы и переменные блоков калейдоскопически меняются в непрерывных процессах самопознания и саморазвития, но в принципе их можно систематизировать на временных смысловых основаниях (этот принцип использован в современных идеографических словарях [31]). Так, например, Ю.Д. Апресян говорит о том, что, будучи активным, деятельным су-

ществом, человек выполняет физические, интеллектуальные и речевые действия, сопровождающиеся определенными состояниями (восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и т.п.), и это дает возможность выделить 8 типов систем, описывающихся через семантические примитивы, выявленные А. Вежицкой [32. С. 352]. Но в прагматике повседневного поведения самому человеку это редко бывает нужно, поскольку во внутреннем плане сознания ему, как правило, в отношении самого себя «все ясно». Кроме того, из-за смешения в опыте человека научной, профессиональной и наивной систем категоризации опыта одна и та же единица опыта может быть отнесена в конкретный момент времени к любому блоку / сцепке и получить там иное название (например, единица «моя проблема» может оказаться научной, финансовой, жизненной, личностной, социальной, политической, межличностной, трудной, неразрешимой и т.д.).

8. Построение уровней персонального тезауруса опирается на *механизм индивидуального смыслового кодирования*, где образно-семантический код выступает как «язык смысла» конкретного человека: эпизод внешней или внутренней жизни, прочувствованный им как значимый и адресованный именно ему (происшествие жизни), наделяется статусом события сознания, которое маркируется в знаковой системе, выстроенной у человека как результат социализации и инкультурации, образования, накопленного опыта. Таким образом, используемый личностью тезаурус является кодом-посредником между внешней и внутренней реальностями, соединяющим мотивационно-потребностную направленность человека с объектами и происшествиями внешнего мира.

Подводя итоги, отметим, что в выстраиваемой нами модели персонального тезауруса его структура мыслится как иерархия нескольких уровней. Верхний уровень (метауровень) образует субъективная онтология, задающая общий принцип упорядочивания и лингвизирования опыта существования человека и мира вместе. Далее следует второй уровень (макроуровень), определяющий поле человеческого существования в мире макроконцептами «Я» и «Жизнь». На третьем уровне (миниуровне) находятся разнообразные отобранные личностью для самопонимания и самоинтерпретации концепты-экзистенциалы, выполняющие функции упорядочивания опыта самопознания и рефлексии жизненных происшествий, значимых для «Я». Третий и четвертый (нижний) уровни смыкаются посредством индивидуальных семантических осей, выстроенных как бинарные оппозиции в ответах на вопросы, которые личность может задать о себе и своем существовании в процессах рефлексии. Наконец, четвертый уровень (микроуровень) образуют смысловые концепты-кванты как результаты кодирования значимых эпизодов опыта субъекта. Тезаурусные единицы всех уровней необходимы для построения психобиографии [33] и ее последующей нарратизации [34].

Литература

1. Богин Г.И. Обретение способности понимания : введение в герменевтику. М. : Психология и бизнес онлайн, 2001. 516 с.

2. Aitchison J. Thesaurus Construction and Use. London : Routledge, 2001. 230 p.
3. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. 784 с.
4. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II: тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. 640 с.
5. Соловьев В.Д., Добров Б.В., Иванов В.В., Лукашевич Н.В. Онтологии и тезаурусы: модели, инструменты, приложения. Казань ; М. : Бином : Лаборатория знаний, 2006. 156 с.
6. Сапогова Е.Е. Жизненный и экзистенциальный опыт в автобиографических нарративах личности // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 68–79.
7. Знаков В.В. Психологические условия понимания мира человека // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 16–27.
8. Знаков В.В. Психология понимания многомерного мира человека // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 1. С. 47–57.
9. Heintzelman S.J., King L.A. Meaning in life and intuition // Journal of Personality and Social Psychology. 2016. Vol. 110 (3). P. 477–492. DOI: 10.1037/pspp0000062.
10. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусный подход в гуманитарном знании // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. тр. / под общ. ред. Вл.А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. Вып. 25. С. 3–13.
11. Горелова Т.А. Тезаурус русского национального характера // Мировая культура в русском тезаурусе : I Академические чтения памяти Вл.А. Лукова, 27 марта 2015 г. : сб. науч. тр. / редкол.: Вал.А. Луков (отв. ред.) и др. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. С. 80–94.
12. Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. М. : Смысл, 2014. 767 с.
13. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. № 1. С. 14–23.
14. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2015. 451, XVI с.
15. Сапогова Е.Е. Случайность как онтологема биографических нарративов // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7, вып. 4. С. 286–307. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2017.401.
16. Деева Н.В. Концепт «жизнь»: понятийная и символическая составляющие // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. Т. 9, вып. 2. С. 83–89.
17. Красных В.В. Концепт «Я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. С. 4–14.
18. Кашкина О.В. Я-концепт сквозь призму самооценочных высказываний // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 47–53.
19. Костенко В.Ю. Возможное Я: концепция Хейзел Маркус // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 2. С. 421–430.
20. Петровский В.А. Я: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 63–78.
21. Семенов И.Н. Рефлексивность самонаблюдения и персонология интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 3. С. 22–39.
22. Аванесян М.О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» // Психологические исследования. 2018. Т. 11, №. 61. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.01.2019).
23. Geukes K., Nestler S., Hutteman R., Dufner M., Küfner A., Egloff B., Denissen J., Back M. Puffed-up but shaky selves: State self-esteem level and variability in narcissists // Journal

- of Personality and Social Psychology. 2017. Vol 112 (5). P 769–786. DOI: 10.1037/pspp0000093.
24. Lyubomirsky S., Sousa L., Dickerhoof R. The costs and benefits of writing, talking, and thinking about life's triumphs and defeats // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90 (4). P. 692–708.
25. Сандомирская И.И. О своем. Фразеология и коллективная культурная идентичность // *Фразеология в контексте культуры* / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Языки славянской культуры, 1999. С. 121–130.
26. Köber C., Habermas T. How stable is the personal past? Stability of most important autobiographical memories and life narratives across eight years in a life span sample // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2017. Vol. 113 (4). P. 608–626. DOI: 10.1037/pspp0000145.
27. Бурханов Р.А., Никулина О.В. Концепция экзистенциалов в трактате М. Хайдеггера «Бытие и время» // *Манускрипт*. 2018. № 5. С. 65–68. DOI: 10.30853/manuscript.2018-5.14.
28. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. М. : Экономпресс, 1999. 190 с.
29. Кубарев В.С. Топология осознания жизненных смыслов // *Вопросы психологии*. 2018. № 1. С. 104–117.
30. Котляков В.Ю. Методика «Система жизненных смыслов» // *Вестник КемГУ*. 2013. № 2 (542), т. 1. С. 148–153.
31. Плотнокова А.М. Семантические константы и переменные внутреннего мира человека (по данным идеографических словарей) // *Филологический класс*. 2017. № 4 (50). С. 25–29.
32. Апресян Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
33. Schultz W.T., Lawrence S. Psychobiography: theory and method // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72 (5). P. 434–445. DOI: 10.1037/amp0000130.
34. Сапогова Е.Е. Лабиринты автобиографии: экзистенциально-нарративный анализ личных историй. СПб. : Алетейя, 2017. 364 с.

Поступила в редакцию 07.02.2019 г.; принята 08.07.2019 г.

Сапогова Елена Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии образования факультета педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета.
E-mail: esapogova@yandex.ru

For citation: Sapogova, E.E. The Structure of Personal Thesaurus: Existential Psychological Approach. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 73: 40–59. doi: 10.17223/17267080/73/3. In Russian. English Summary

The Structure of Personal Thesaurus: Existential Psychological Approach

Е.Е. Sapogova^a

^a *Moscow Pedagogical State University, 1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

The author presents a model of the content and structure of personal semantic thesaurus, constructed in the framework of the existential psychological approach. The concept of personal thesaurus as a specific option (part) of individual mental dictionary containing systematically represented key units of existential experience is introduced and substantiated. These

characteristics describe his personality and life path reflected in his biography to the subject and allow one to integrate the meanings accumulated in them into a current dynamic self-presentation and the course of his life. The hypothesis of personal thesaurus as an instrument of semantic coding of existential experience is argued. We also explain the specificity of the existential psychological approach to the analysis of personal thesaurus, which distinguishes it from the cultural and linguistic. Theoretical assumptions about the hierarchical psychosemantic structure of personal thesaurus, including meta-, macro-, mini- and micro-levels, are put forward and substantiated. The upper level (meta level) forms a subjective ontology that defines the general principle of organizing the experience of human existence and the world together. This is followed by the second level (macro level), which defines the field of human existence in the world by the macro-concepts "Me" and "Life". The content of both concepts within the framework of two dimensions (time and space) is stratified into "Me / Life in the past / present / future" and "Me / Life in the real / mental / virtual spaces". At the third level (mini level) there are various and numerous existential concepts selected by given person for self-understanding, self-interpretation and self-presentation (happiness, love, duty, responsibility, etc.). They perform the functions of organizing the experience of self-knowledge and reflection of life events meaningful to the person. The third and fourth (lower) levels are interconnected by some individual semantic axes ("Stabilization-entropy", "Integrality-assertiveness", "Rationality-irrationality", etc.), organized as binary oppositions for answers to possible questions that a person can ask about himself and his existence. The fourth level (micro level) is formed by the no longer quantifiable semantic concepts-quanta as purely individual results of coding meaningful episodes of the subject's experience. The construction of the personal thesaurus levels is based on the mechanism of individual semantic coding, where the personal descriptive-semantic code acts as the "language of sense" of a particular person. The semantic thesaurus used by the individual is the intermediary code between external and internal realities, connecting the motivational-need orientation of a person with objects and events of the external world.

Keywords: personal thesaurus; existential experience; subjective ontology; semantic coding; personality; existential concept; concept-quantum.

References

1. Bogin, G.I. (2001) *Obretenie sposobnosti ponimaniya: vvedenie v germenевtiku* [Gaining the ability to understand: an introduction to hermeneutics]. Moscow: Psi-khologiya i biznes onlayn.
2. Aitchison, J. (2001) *Thesaurus Construction and Use*. London: Routledge.
3. Lukov, Val.A. & Lukov, Vl.A. (2008) *Tezaurusy: sub"ektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya* [Thesauri: the subjective organization of humanitarian knowledge]. Moscow: Nats. in-t biznesa.
4. Lukov, Val.A. & Lukov, Vl.A. (2013) *Tezaurusy II: tezaurusnyy podkhod k ponimaniyu cheloveka i ego mira* [Thesauri II: Thesaurus Approach to Understanding Man and His World]. Moscow: Nats. in-t biznesa.
5. Solovyov, V.D., Dobrov, B.V., Ivanov, V.V. & Lukashevich, N.V. (2006) *Ontologii i tezaurusy: modeli, instrumenty, prilozheniya* [Ontologies and thesauri: models, tools, applications]. Kazan; Moscow: Binom: Laboratoriya znaniy.
6. Sapogova, E.E. (2014) Zhiznennyi i ekzistentsial'nyy opyt v avtobiograficheskikh narrativakh lichnosti [Life and existential experience in autobiographical narratives of personality]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 68–79.
7. Znakov, V.V. (2018) Psikhologicheskie usloviya ponimaniya mira cheloveka [Psychological conditions for understanding the human world]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 16–27.

8. Znakov, V.V. (2016) Psikhologiya ponimaniya mnogomernogo mira cheloveka [Psychology of understanding the multidimensional human world]. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psikhologiya. Pedagogika*. 1. pp. 47–57.
9. Heintzelman, S.J. & King, L.A. (2016) Meaning in life and intuition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 110(3). pp. 477–492. DOI: 10.1037/pspp0000062
10. Lukov, Val.A. & Lukov, Vl.A. (2013) Tezaurusnyy podkhod v gumanitarnom znanii [Thesaurus approach in humanitarian knowledge]. In: Lukov, Vl.A. (ed.) *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury* [Thesaurus Analysis of World Culture]. Moscow: Moscow University for the Humanities. pp. 3–13.
11. Gorelova, T.A. (2015) Tezaurus russkogo natsional'nogo kharaktera [Thesaurus of Russian national character]. In: Lukov, Val.A. et al. (eds) *Mirovaya kul'tura v russkom tezauruse* [World Culture in the Russian Thesaurus]. Moscow: Moscow University for the Humanities. pp. 80–94.
12. Sapogova, E.E. (2014) *Ekzistentsial'naya psikhologiya vzroslosti* [The Existential Psychology of Adulthood]. Moscow: Smysl.
13. Klementieva, M.V. (2016) Biographical Self-Reflection as a Resource for Personal Development in Adults. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 1. pp. 14–23. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2016120102
14. Osokina, S.A. (2015) *Osnovaniya lingvisticheskoy teorii tezaurusa* [The Basis of the Linguistic Theory of the Thesaurus]. Philology Dr. Diss. Barnaul.
15. Sapogova, E.E. (2017) Chance as an ontology of biographical narratives. *Vestnik SPbGU. Psikhologiya i pedagogika*. 7(4). pp. 286–307. DOI: 10.21638/11/701/spbu16.2017.401
16. Deeva, N.V. (2011) Kontsept “zhizn”: ponyatiynaya i simvolicheskaya sostavlyayushchie [The concept of “life”: conceptual and symbolic components]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 9(2). pp. 83–89.
17. Krasnykh, V.V. (2003) Kontsept “Ya” v svete lingvokul'turologii [The “I”-concept in linguoculturology]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Issue 23. Moscow: MAKSS Press. pp. 4–14.
18. Kashkina, O.V. (2004) Ya-kontsept skvoz' prizmu samoootsenochnykh vyskazyvaniy [I-concept through the prism of self-evaluative statements]. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 1. pp. 47–53.
19. Kostenko, V.Yu. (2016) Possible Self: Theory by Hazel Markus. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 13(2). pp. 421–430. (In Russian). DOI: 10.17323/1813-8918-2016-2-421-430
20. Petrowskiy, V.A. (2014) Self: The Configuration of Artifact (Part One). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-Historical Psychology*. 1. pp. 63–78. (In Russian).
21. Semenov, I.N. (2015) The reflexivity of self-observation and personology of introspection: To ontology and methodology of reflexive psychology of personality. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – Moscow University Psychology Bulletin*. 3. pp. 22–39. (In Russian). DOI: 10.11621/vsp.2015.03.22
22. Avanesyan, M.O. (2018) Al'ternativnaya avtobiograficheskaya istoriya kak sostavlyayushchaya vozmozhnogo “ya” [An alternative autobiographical story as a component of a possible “I”]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 11(61). [Online] Available from: <http://psystudy.ru> (Accessed: 19th January 2019).
23. Geukes, K., Nestler, S., Hutteman, R., Dufner, M., Küfner, A., Egloff, B., Denissen, J. & Back, M. (2017) Puffed-up but shaky selves: State self-esteem level and variability in narcissists. *Journal of Personality and Social Psychology*. 112(5). pp. 769–786. DOI: 10.1037/pspp0000093

24. Lyubomirsky, S., Sousa, L. & Dickerhoof, R. (2006) The costs and benefits of writing, talking, and thinking about life's triumphs and defeats. *Journal of Personality and Social Psychology*. 90(4). pp. 692–708.
25. Sandomirskaya, I.I. (1999) O svoem. Frazеologiya i kollektivnaya kul'turnaya identichnost' [About own. Phraseology and collective cultural identity]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Frazеologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 121–130.
26. Köber, C. & Habermas, T. (2017) How stable is the personal past? Stability of most important autobiographical memories and life narratives across eight years in a life span sample. *Journal of Personality and Social Psychology*. 113(4). pp. 608–626. DOI: 10.1037/pspp0000145
27. Burkhanov, R.A. & Nikulina, O.V. (2018) Conception of existentials in Martin Heidegger's fundamental ontology. *Manuskript – Manuscript*. 5. pp. 65–68. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2018-5.14
28. Demidov, A.B. (1999) *Fenomeny chelovecheskogo bytiya* [The Phenomena of Human Being]. Moscow: Ekonompress.
29. Kubarev, V.S. (2018) Topologiya osoznaniya zhiznennykh smyslov [Topology of awareness of life meanings]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 104–117.
30. Kotlyakov, V.Yu. (2013) "System of life meanings" technique. *Vestnik KemGU – Bulletin of Kemerovo State University*. 2(542). pp. 148–153. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2013-2-148-153
31. Plotnikova, A.M. (2017) Semantic constants and variables of the human inner world (according to the thesaurus). *Filologicheskii klass – Philological Class*. 4(50). pp. 25–29. (In Russian). DOI: 10.26710 / fk17-04-03
32. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
33. Schultz, W.T. & Lawrence, S. (2017) Psychobiography: theory and method. *American Psychologist*. 72(5). pp. 434–445. DOI: 10.1037/amp0000130
34. Sapogova, E.E. (2017) *Labirinty avtobiografii: ekzistentsial'no-narrativnyy analiz lichnykh istoriy* [Labyrinths of autobiography: an existentially narrative analysis of personal stories]. St. Petersburg: Aleteyya.

Received 07.02.2019; Accepted 08.07.2019

Elena E. Sapogova – Professor, Department of Psychology of Education, Moscow Pedagogical State University, Professor, D. Sc. (Psychol.).
E-mail: esapogova@yandex.ru